

В конце 1994 г. в Саранске была опубликована книга «Масторава», составленная на основе эрзянских и мокшанских мифов, эпических песен и сказаний А. М. Шароновым. В некоторых средствах массовой информации она называется «третьим финно-угорским эпосом» (после «Калевалы» и «Калевипоэга» — Н. М.), с выходом которого «у эрзян и мокшан, наконец-то, появилась своя история». Публикация «Масторавы» причисляется к событиям «поистине мирового значения». Такие характеристики обязывают более пристально присмотреться к этому «многолетнему уникальному труду, которому, — как подчеркивает один из местных рецензентов, — несомненно, предстоит занять достойное место в ряду немногочисленных памятников подобного характера...»¹

В аннотации к «Мастораве» сообщается, что в ее основу легло восемнадцать сказаний об эрзе и мокше, которые называются то одним народом, то двумя финно-угорскими народами, проживающими в бассейне рек Волга, Ока, Сура, Мокша (с. 496). В предисловии «О Мастораве» (автор М. Дорожкин) говорится, что это произведение хотя и не следует воспринимать «за летопись или документальный исторический материал, однако оно — «подлинно народное произведение», «художественная автобиография мордовского народа», достоверный героический эпос, близкий к классическому эпосу других народов, посредством поэтических образов глубоко и правдиво раскрывающий «происхождение нашего древнего народа», его обычаи и обряды, многовековую историю его материальной и духовной культуры, начиная «со времен родоплеменного общества и вплоть до победы над Казанским ханством, когда эрзянский и мокшанский народы воссоединились с Русской землей» (с. 5—6).

Составитель во «Вступительном слове» уподобляет «Мастораву» таким эпосам как «Илиада» и «Одиссея», «Калевала» и другие, заявляя, что в «Мастораве» впервые собраны «наша» (эрзя и мокши — Н. М.) космогония, пантеон небесных и земных богов, героическая эпика — разнообразные старинные исторические песни — сказания о их великих героях, в ряду которых центральное место занимает инязор Тюштя; обычаи и обряды, мировоззрение, эстетика, философия, педагогика» (с. 7). Однако на его взгляд, значимость данного произведения не ограничивается этим. Как полагает А. М. Шаронов, «Масторава» помогает эрзянам и мокшанам «расти патриотами своего народа, ибо народ, который имеет великое прошлое, а об этом именно и повествует «Масторава», собирает силы быть таковым и впредь» (с. 7).

Пытаясь обосновать закономерность публикации «Масторавы», автор предисловия упоминает о некоторых имевших место ранее попытках свести в одно произведение эрзянские и мокшанские эпические песни и легенды, отразившиеся, на его взгляд, в частности, в «Мордовской истории», записанной А. А. Шахматовым со слов мордовских крестьян Саратовской губернии Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова и напечатанной в журнале «Живая старина» (1909 г.). Но «историю» эту нельзя назвать ни эпосом, ни исследованием. Она представляет собой полуанекдотические выдумки вроде того, что «даже главные японские начальники родом мордвыны и фамилии имеют со значением мордовских слов Куроки, Кодамо»².

Здесь же М. Дорожкин упоминает М. Т. Маркелова — мордовского этнографа, музеоведа и фольклориста, который тоже «намеревался собрать мокшэрзянский эпос» (с. 5), нечто аналогичное «Мастораве». В конце 1920-х — начале 1930-х годов М. Т. Маркелов, действительно, готовил к печати большую работу «Песни мордвы», которая должна была стать не просто сборником народных песен, и не произведением типа «Масторавы», а научным исследованием. Был составлен план такого исследования, подобран материал, а к 1932 г. этот труд был завершен. В указанном году рукопись работы была сдана в издательство «Академия», но так и не была опубликована³.

Бесспорно, фольклор для мордовского народа, не имевшего длительное время своей письменности, был по существу своеобразной летописью, запечатлевшей на протяжении веков те или иные этапы и эпизоды народной жизни. И он, безусловно, способствует пониманию истории, но чтобы постичь исторические истоки самого фольклора, проникнуть в закономерности его генезиса и развития, надо хорошо знать историю народа. Фольклор может широко раскрыть свои возможности как исторический источник только в том случае, когда он интерпретируется уже с позиций достаточно обстоятельно разработанных исторических концепций.

Стремясь «связать единым сюжетом и композицией, временем и героями» разнотипные памятники устного народного творчества мордвы, воссоздать на их базе одно целостное эпическое произведение, охватывающее исторический период огромной протяженности, начиная с ранних этапов развития мордвы до присоединения ее к Российскому государству, А. М. Шаронов поставил перед собой по существу невыполнимую задачу, что во многом и обусловило не просто произвольное обращение составителя с исходным материалом, разного рода натяжки, но и грубейшие ошибки.

Подтвердим сказанное примерами. Начнем с названия «Масторава». Оно подобрано случайно, по аналогии с русским выражением «Земля-матушка», не имеет мордовской историко-эпической традиции, к тому же употреблено здесь не в своем первоначальном значении. Масторавой (более древний теоним Мода-ава-Н. М.) мордва (эрзя и мокша) обычно именуют божество земли, а не саму землю, которую называют мода или мастор, но не Масторава.

К одним из наиболее серьезных недостатков рецензируемого произведения следует отнести искажение его составителем существа дохристианских верований мордвы, попытка подогнать их под библейский образец, секретиристское отношение к разного рода легендам и домыслам, в немалой степени содержащимся в литературе о мордве, в том числе и в работах известных писателей и ученых, не знавших или плохо знавших язык этого народа. Одним из таких исследователей и писателей был П. И.

Мельников, сочинивший миф о некоем Чам-Пасе, Шайтане, Анге-Патяй как матери-богине, сотворенной Чам-Пасом и являющейся его женой¹. С легкой руки писателя миф стал кочевать по страницам многих работ, в том числе оказался базовым для составителя «Масторавы».

Между тем, еще мордовский этнограф и филолог М. Е. Евсеев писал, что П. И. Мельников при составлении своих очерков мордвы пользовался (без указания источника — Н. М.) описанием мордвы К. С. Мильковича, которое было издано позднее². Все перечисленные Мильковичем моления Мельников принял за божества, приписав им фантастические свойства и сочинил ряд молений этим божествам. «Я уверен, — писал М. Е. Евсеев, — что Анге-Патяй Мельникова (это выражение я больше нигде не встречал) получилось из выражений Мильковича ате-пукшей — прадед, предок»³.

Мифологическую схему Мельникова обосновывали и другие ученые, в том числе один из знатоков мордовской этнографии И. Н. Смирнов, обращавший внимание на то, что она «слишком отдаёт классическими теогониями, мало вяжется с мордовскими воззрениями на богов и финской теогонией вообще»⁴. Известный финский религиовед У. Харва — автор одного из наиболее крупных монографических исследований по дохристианским верованиям мордвы, считал «Очерки мордвы» П. И. Мельникова работой «...далеко не научной, поскольку источниками он пользовался нерегулярно, а некоторые вещи излагал, украсив их собственной фантазией...», работой, в которой автор «...путает совершенно разные вещи, модифицирует материал по своему усмотрению, не углубляется в суть дела». Отмеченный выше миф о Чам-Пасе и Анге-Патяй У. Харва называет не иначе, как «курьезным», «собственной выдумкой» Мельникова⁵. Никакого божества Анге-Патяй (Анге) в верованиях мордвы не было⁶, что, однако, не помешало А. М. Шаронову возвести Анге в образ мордовской богини, сделать важнейшим персонажем «эпоса», а именно женой Инишкипаза — верховного бога мордвы (с. 25, 172, 394, 396 и др.).

В качестве первого сына Инишкипаза в «Мастораве» выступает Верепаз (с. 25, 79, 83). И опять ошибка, ибо Верепаз — не какое-то особое божество, а синоним Инишкипаза. Составитель «Масторавы» отождествляет бога грома Пурьгинепаза, как и бога солнца Чипаза с божеством огня Толоньпазом (с. 67, 70—73, 171), на что также нет оснований.

На страницах «Масторавы» А. М. Шаронов «женит» «сыновей» Инишкипаза на его же «дочерях» (с. 47—53, 62—65), заявляя в комментариях, что в «первые века родоплеменного общества» братья и сестры были мужьями и женами (с. 490). Но это не так. Имевшая некоторое распространение в историографии идея о существовании в первобытности кровнородственной семьи отвергнута современной наукой как несостоятельная⁷.

Во многих случаях создается лишь видимость, будто составитель «Масторавы» опирается на памятники устного народного творчества, на самом же деле в текст экстраполируется материал, далекий от фольклора. Так, А. М. Шаронов имя Эрзя производит от нарицательного слова «эриця» («житель»), то есть дает краткое толкование относительно этимологии этнонима эрзя, имеющее не фольклорный характер. В «Мастораве» много говорится о буртасах (с. 390—399, 402—406) и печказах (с. 303—309, 372—393, 402—410, 415—473), о которых в собственно фольклорных источниках мордвы никаких сведений не содержится. Едва ли можно согласиться с комментариями, что буртасы — «родственный эрзянам и мокшанам народ» (с. 390). Скорее всего, они были одним из тюркских народов⁸. Думается, далеко от истины утверждение составителя «Масторавы» и о том, что мокша — те же «эрзя с реки Мокши» (с. 389).

Итак, по моему убеждению, попытка связного эпического изложения в одном пусть и в очень обширном произведении древней и средневековой истории мордвы не удалась. Она и не могла удалась, ибо мордовский фольклор, чрезвычайно богатый и многоплановый, нельзя подогнать под единый сюжет.

Примечания

¹ Демин В. «Масторавы»: человечность, гуманизм // Известия Мордовии. 1995. 27 января.

² Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 3. Ч. 1. Саранск. 1939. С. 314.

³ Мокшин Н. Ф. М. Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // Этнографическое обозрение (далее ЭО). 1994. № 6. С. 135.

⁴ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. С. 44—49.

⁵ Милькович К. С. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбовские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1905. № 18.

⁶ Евсеев М. Е. Избранные труды. Т. 5. Саранск, 1966. С. 477—478.

⁷ Смирнов И. Н. Мордва. Казань, 1895. С. 290.

⁸ Narva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. S. 15—17.

⁹ Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968. С. 10.

¹⁰ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Саранск, 1963. С. 59, 62.

¹¹ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. С. 65—66, 100.

¹² Захoder Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе (Горган и Поволжье в IX—X вв.). Т. 1. М., 1962. С. 246, 252; Полесских М. Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 214—216; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972. С. 16; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973. С. 112, 115—120; Мокшин Н. Ф. Этническая история мордвы. Саранск, 1977. С. 44.